

ДИСКУССИЯ

*Ниже публикуются фрагменты переписки двух отечественных социологов — Л.Г. Ионина и Д.Ю. Куракина, — посвященные крайне интересной, на наш взгляд, проблеме — прояснению места отечественной социологии в пространстве глобального международного развития этой науки. Известно, что наука развивается поверх государственных границ, что она интернациональна, что идентичность гражданина «республики ученых» выше любой другой идентичности. Но означает ли это, что ученый, образно говоря, не имеет отечества, или что бессмысленно говорить — по крайней мере, на нынешнем этапе развития науки — о национальных научных школах? И еще один вопрос: существует ли и должен ли существовать патриотизм в науке? Если да, то как и в чем он может выражаться? Редакция отнюдь не считает, что в публикуемых заметках эти проблемы получили окончательное разрешение. Напротив, мы рассматриваем публикацию как постановку вопросов к дискуссии и призываем читателей высказаться на темы, актуальные для каждого отечественного социолога. Ведь поставленные вопросы касаются нашей индивидуальной и коллективной идентификации. Кратко о предыстории публикуемого материала. Д.Ю. Куракин, работая над статьей об истории советской и российской социологии культуры для журнала *Cultural Sociology*, провел несколько интервью с российскими социологами, действующими в этой области, в том числе с профессором Л.Г. Иониным. Когда статья была опубликована, он послал ее Л.Г. Ионину, с чего и началась публикуемая ниже переписка. Все подстраничные примечания к тексту сделаны авторами. Ссылки на литературу редактором вынесены в затекстовый список. Стиль и пунктуация переписки сохранены.*

Л.Г. ИОНИН, Д.Ю. КУРАКИН

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ПАТРИОТИЗМ В СОЦИОЛОГИИ?

Аннотация. В конце прошлого года вышла статья Дмитрия Куракина о социологии культуры в Советском Союзе и России. Она открывает

Ионин Леонид Григорьевич — доктор философских наук, профессор, департамент теоретической экономики, факультет экономических наук, НИУ «Высшая школа экономики». Адрес: 101090, ул. Шаболовка, д. 28/11, стр. 4, каб. 1205. Телефон: +7 (495) 772-95-90 *26142.

Электронная почта: ioninlg@gmail.com

Куракин Дмитрий Юрьевич — кандидат социологических наук, руководитель Центра культурологии и антропологии образования; ведущий научный сотрудник, Центр фундаментальной социологии, НИУ «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Потаповский пер., д. 16, стр. 10, каб. 407. Телефон: +7 (495) 772-95-90 *22120. Электронная почта: dmitry.kurakin@hse.ru

декабрьский выпуск журнала “Cultural Sociology”. Публикация статьи послужила поводом для развертывания дискуссий о советской и постсоветской науке среди российских социологов и интеллектуалов. Публикуемая переписка между автором и известным российским социологом Л.Г. Иониным посвящена одной из тем, затронутых в статье, — роли прошлого в формировании академической идентичности и в выборе исследовательских стратегий современных социологов, в контексте существующих в международной науке сценариев глобализации и индигенизации. Каково место национальных школ в современной социологии? В какой территориально-институциональной системе координат сегодня складываются академические практики и профессиональные идентичности российских социологов? Каковы смысл и последствия различных способов самоопределения в этом пространстве? Является ли российская социология «вторичной» в международном контексте? В своей дискуссии авторы ищут ответы на эти и другие вопросы, разрешение которых для российских социологов напрямую связано с определением ландшафта их профессиональной жизни.

Ключевые слова: история социологии; Россия; российская социология; советская социология; постсоветская социология; социология культуры; культуросоциология; социология науки; глобализация; интернационализация; индигенизация; национальная школа; профессиональная идентичность; колониализм; культурная диффузия.

Для цитирования: Ионин Л.Г., Куракин Д.Ю. Существует ли патриотизм в социологии? // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 1. С. 114–131. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5716

Dmitry Kurakin, 8 декабря 2017 г.

Здравствуйте, Леонид Григорьевич!

Помните, я приходил к Вам в гости и долго расспрашивал про социологию культуры в Советском Союзе и России? Наконец-то вышла статья¹ по итогам этого исследования. Она открывает декабрьский выпуск журнала “Cultural Sociology”.

¹ В статье под названием “The Sociology of Culture in the Soviet Union and Russia: The Missed Turn” проанализировано развитие социологии культуры в Советском Союзе и России от дореволюционного до постсоветского времени. Выделены две группы факторов — культурные и структурные, комбинации которых формируют различные паттерны на каждой стадии развития дисциплины. Показано, что советские исследователи культуры, в силу политических обстоятельств, были вынуждены выстраивать стратегии академического выживания, наиболее значимыми из которых были поиск ниш в смежных, идеологически нейтральных дисциплинах, уход в чисто эмпирическую работу или, напротив, критика буржуазных социологических теорий. Устные жанры превалировали над публикацией текстов, чтение над письмом, а разговоры с единомышленниками над дебатами с оппонентами. Современная российская социология культуры

Недавно прочитал Ваше интервью в проекте Докторова² и среди многих других интересных мне сюжетов был рад отметить, что то видение отечественной социологии, которое я выстраиваю в своей статье, во многом перекликается с Вашими рассуждениями. Правда, это в большей степени касается негативной части аргумента — «вторичного» характера отечественной социологии, неудачи в построении национальной школы на базе своей «социологической территории» и того, почему так получилось. И в меньшей степени всего того, что происходит, когда приходит время пост-территориальности и, в частности, оценки различных сценариев интернационализации.

Словом, надеюсь, что Вы найдете статью интересной. Вот ссылка на статью на сайте, а в прикрепленном файле текст [4]. Еще раз большое спасибо, что согласились тогда побеседовать.

С уважением,
Дмитрий Куракин.

leonid ionin, 9 декабря 2017 г.

Дима,
спасибо за статью, прочитал с интересом. Надеюсь, и на Западе это будет интересно.

Хочу только две вещи заметить, одну общую, другую конкретную.

1. Вы подаете «интернационализацию» нашей социологии как положительное явление. На самом деле мы оказываемся в довольно двусмысленной ситуации. Вроде бы нейтральный термин «интернационализация» маскирует происходящие процессы глобализации и колонизации. У нас так вообще происходит скорее второе. У нас «колониальная» социология, как сказала одна коллега — профессор из Вышки.

2. Вы ссылаетесь на Батыгина, что вот, мол, были секретные опросы для ЦК, и что это «уникальный мутант», не имевший аналога в истории. Это он ошибается, был предшественник: “*Meldungen aus dem Reich*” («Донесения из рейха»), информационный бюллетень с использованием, в частности, социологии, выходил в ведомстве Гимmlера 2–3 раза в неделю с 1939 по 1944 г. Разумеется, для внутреннего использования...

во многом наследует своей предыстории, она структурирована противоположно направленными стремлениями — к изоляции и к интеграции в международную науку, а также напряжением между полюсами «элитистского» видения культуры и экономцентричного мировоззрения, набравшим силу в 1990-е.

² Имеется в виду текст «Надо соглашаться с собственным выбором», который был собран из двух интервью с Л.Г. Иониним: первое проведено В.В. Козловским, а второе Б.З. Докторовым: [3].

Но добавлю все-таки еще одно соображение. У Вас как-то примитивно получается: вот социологи, а вот некий монолит — глыба, которая всех давит. На самом деле все, конечно же, гораздо сложнее и интереснее. Монолит сам не монолит, там разные группы и интересы, с которыми были иногда прямо, иногда опосредованно связаны социологические группы и направления. Первый директор ИКСИ³ Румянцев⁴ был членом ЦК КПСС, его замы Осипов и Бурлацкий ездили на Старую площадь (это ЦК, если Вы не в курсе) едва ли не каждый день. О Леваде того же сказать не могу, просто не знаю, но подозреваю, что там тоже не все просто, он был, насколько я помню, секретарем парткома в институте, т. е. причислен к определенному уровню номенклатуры. Другой светоч советской социологии — Ядов в Питере был секретарем Василеостровского РК ВЛКСМ. Грушин тоже работал под комсомолом... Ну и т. д. Да и т. н. разгром ИКСИ и приход Руткевича, который этот разгром осуществил, был связан не с идеологией вообще, а с активностью конкретного лица — секретаря Московского горкома Ягодкина, энергично делавшего партийную карьеру и шагавшего наверх, так сказать, по трупам. А когда Ягодкин

³ ИКСИ — Институт конкретных социальных исследований АН СССР, впоследствии Институт социологических исследований АН СССР, затем — Институт социологии РАН, в 2017 г. преобразованный в Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН).

⁴ Здесь и далее приводятся имена советских ученых, партийных и общественных деятелей, сыгравших важную роль в развитии отечественной социологии. Румянцев Алексей Матвеевич (1905—1993) — академик, вице-президент АН СССР, член ЦК КПСС, директор Института конкретных социальных исследований (1968—1972). Осипов Геннадий Васильевич (р. 1929) — академик, директор Института социально-политических исследований РАН (ИСПИ РАН), президент Российской академии социальных наук. Бурлацкий Федор Михайлович (1927—2014) — известный советский социолог и политолог. Левада Юрий Александрович (1930—2006) — известный социолог, с 1992 г. руководитель Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), с 2004 — Аналитического центра Юрия Левады («Левада-Центр»). Ядов Владимир Александрович (1929—2015) — известный социолог, с 1988 по 2000 г. директор Института социологии РАН. Грушин Борис Андреевич (1929—2007) — известный социолог, исследователь общественного мнения, основатель и руководитель (1950—1967) первого в СССР Института общественного мнения под эгидой газеты «Комсомольская правда». Руткевич Михаил Николаевич (1917—2009) — известный философ и социолог, член-корреспондент АН СССР, директор Института конкретных социальных исследований АН СССР (1972—1976). Ягодкин Владимир Николаевич (1928—1985) — партийный деятель, секретарь Московского городского комитета КПСС по идеологии, кандидат в члены ЦК КПСС. Давыдов Юрий Николаевич (1930—2007) — выдающийся советский философ и социолог.

«пал», институт в очередной раз переименовался, а его директором стал Ядов. Так что можно считать, что идеология в советской системе применительно к обществоведческим институтам и кругам играла в значительной мере функциональную роль. Она была не абсолютом, не «монолитом», а инструментом, который использовался разными лицами и группами с разным успехом. Так что само взаимодействие в отечественной социологии многомернее и сложнее, чем это обычно изображается, и поэтому интереснее. А если этого не учитывать получается стандартная, знакомая и понятная западному читателю, но в общем-то недостаточно информативная картина.

Но это придирки. Спасибо за статью и желаю дальнейших успехов.
Л. Ионин.

Dmitry Kurakin, 9 декабря 2017 г.

Спасибо большое, Леонид Григорьевич,

То, что Вы пишете, очень интересно и важно. Про опросы Третьего рейха я совершенно не знал — и это очень досадно.

Про давление режима и игры с ним. По сути, Вы, конечно, правы, все это, очевидно, было, и составляло важную часть научных стратегий. Но статья была не об этом, а включать в нее такое мощное и труднодоступное измерение, как реконструкцию интриг, двусмысленностей и политических игр и приспособлений было бы весьма проблематично, если вообще возможно. Это измерение бы все перевесило. О сложных и неоднозначных паттернах взаимодействия интеллектуалов с режимом на Западе, в общем-то, знают, по крайней мере проникательные люди и те, кому это вообще интересно. Взять хотя бы недавнюю книгу Барнса о Шостаковиче [1]: там нет никаких банальностей, клише и упрощений, которых мы в России иногда с такой готовностью ждем от западной публики, когда речь заходит о жизни при тоталитарном режиме.

В своем исследовании я постарался сосредоточиться на академической стороне вопроса, по сути, не раскладывая «давление» режима и обстоятельств на конкретные компоненты (т. е. — да, у меня упрощенный «монолит»). С другой стороны, мне, конечно же, не хотелось писать чрезмерно уж упрощенную историю про «ужасы режима», укладываясь в привычные западному читателю фреймы, и я надеюсь, что это не читается так. (Хотя, может быть, кто-то прочитает это именно так. Мне уже довелось написать двоим англоязычным коллегам, которые, в контексте этой статьи, обсуждали со мной опубликованный в Нью-Йорк Таймс материал Маши Гессен о Льве Гудкове⁵, что наибольшую трагедию Левады и его коллег лично я вижу даже не в том,

⁵ См: *Gessen M.* Sociology, According to Putin. (The New York Times, October 4, 2016, URL: <<https://nyti.ms/2dtCqbQ>>).

что им не давали нормально работать в семидесятые и «отжали» компанию в нулевые, а в том, что из ведущих теоретиков и исследователей культуры они сделались поллстерами. Для нашей политической жизни это, конечно же, очень важное приобретение, но с моей «мелкобуржуазной» колокольни это видится как несоразмерная в академическом отношении жертва. И потом: как это ни парадоксально звучит, когда приоритет в социологии отдается массовым опросам, политический дискурс нашей власти — социологически и культурно крайне нечувствительный, в чем-то даже выигрывает — ведь он тоже из всей социологии распознает только опросы как источник своей легитимности).

Ну а про интернационализацию я не вполне согласен. Спору нет, англосаксы восторжествовали, и если родиться где нужно, с родным английским языком, шансы стать успешным социологом куда выше. Но это же не повод для «великого отказа»? А других опций, в общем-то, нет: время национальных школ прошло, и мы свой шанс тут упустили. Обидно ли это? Безусловно! Были ли у нас другие варианты? Вопрос спорный, может быть, и были. Но теперь-то время не развернуть. Поэтому, я думаю, надо просто работать в той социологии, которая есть. Многоликая международная социология с американским доминированием, неидеальная и не лучшая из возможных, — есть, а российской социологии как автономного сопоставимого проекта — просто нет. Поэтому и разумного выбора нет. Именно поэтому мне, кстати, не особенно симпатичен проект Докторова (хотя многие интервью я прочитал с огромным удовольствием, и масштаб задуманного вызывает уважение). Он выдает отсутствие за наличие, пытается сделать хорошую мину при не то что плохой, а отсутствующей игре. Я думаю, это создает иллюзию, для кого-то, может, и лестную, но для многих других попросту опасную.

С уважением и надеждой на продолжение коммуникации,
Дмитрий Куракин.

Leonid Ionin, 10 декабря 2017 г.

Дима, здравствуйте!

Спасибо за прямой и честный ответ, а то я думал, что Вы — фанат интернационализации.

Я совершенно с Вами согласен, что есть та социология, которая есть, а альтернатива, по существу, отсутствует. Поэтому надо работать с тем, что есть. Ну а как иначе — работать с тем, чего нет? Но я уточню свою претензию к Вашей статье: интернационализация — пустой термин, социологически он бессодержателен. Как Вы знаете, были интербригады в Испании и были воины-интернационалисты в Афганистане. Разные времена, разные люди, разные цели. Я не оцениваю, что хорошо, что плохо. Просто один термин с совершенно разным содержанием.

Что означает интернационализация применительно к нынешней российской социологии, мне кажется, должно быть показано. Или надо признать, что все, что происходит в социологии в Германии, в Индии, в Китае, в Польше, в Румынии — а там везде происходит интернационализация — это одно и то же. А это не так. Германия — я имею в виду ее социологическую традицию — от нынешней американизации своей социологии скорее теряет. При этом многое теряет и «интернациональная» социология. В первой половине прошлого столетия немецкая социология сыграла огромную роль в формировании социологии в Америке. Взять хотя бы тему «Макс Вебер и Парсонс»! Но затем американская социология «переварила» немецкое наследие, осуществив тем самым его «интернационализацию». Я сейчас занимаюсь изданием по-русски «Хозяйства и общества» Макса Вебера и почти на каждой строчке убеждаюсь, что интернационализированный, то есть, по существу, американизированный, Макс Вебер сильно отличается от оригинального. А весь мир его изучает именно по американскому переводу! В других странах развитие шло иначе. Польша, например, стала на стезю интернационализации еще во времена Знанецкого, для нее это, как мне кажется, органичный путь. Ну и т. д.

По поводу отношений с идеологией и государством. Согласен, что статья не резиновая. Но ведь создается фальшивое представление о том, что социология билась с режимом, хотя на самом деле она с ним сложно взаимодействовала. Эти отношения надо было бы если не разбирать подробно, то, во всяком случае, социологически проблематизировать. Иначе получается довольно плоская картинка. Мне когда-то для одного зарубежного фонда пришлось рецензировать подборку статей про социологию Восточной Европы, и там были статьи про разные страны: Болгария, Румыния, Венгрия, конечно, Россия. Я с удивлением обнаружил, что там везде изображалось одно и то же — борьба с марксизмом, семинары, диссидентские или полу- или псевдодиссидентские группы, более или менее жесткое преследование, в конце всего — интернационализация. Заменяй в названии Румынию на Болгарию, а в тексте Попеску на Попова, и в существе дела мало что изменится. (Я, конечно, утрирую, но не сильно.)

Понятно, что восьмидесятые, девяностые и частично еще нулевые годы были временем «конца истории», тотального «демократического транзита», гремели имена Тимоти Гартон Эша⁶, Клауса Оффе⁷ (не

⁶ Timothy Garton Ash (p. 1955) — британский историк, автор книг и публикаций, посвященных политике и современной истории Центральной и Восточной Европы. Ныне Директор Центра европейских исследований при колледже Св. Антония в Оксфорде.

⁷ Claus Offe (p. 1940) — немецкий политический социолог марксистской ориентации, исследователь процессов перехода к демократии.

говоря уже о Фукуяме) и многих других, которые ныне уже не так громко звучат. Тогда и сложилась стандартная концепция социологического процесса в Восточной Европе как в институциональном, так и в ценностном его содержании. Он мыслился и мыслится как часть «демократического транзита», который по причине исторической необходимости идет, в общем и целом, везде одинаково, может быть, с различиями в динамике. Я сейчас не утверждаю истинности или, наоборот, фальши этого подхода, а просто описываю ситуацию, с которой мы имеем дело сейчас. Вы, как мне кажется, принимаете этот подход за нерелевантное основание ваших суждений.

Ну а вообще-то, как я сказал, в статье все четко, ясно, должно читаться с интересом.

Ваш Л. Ионин.

Dmitry Kurakin, 11 декабря 2017 г.

Здравствуйте, Леонид Григорьевич,

Я хорошо вижу проблему разных сценариев интернационализации и их историко-идеологической подоплеку и считаю, что она важна, но я намеренно оставил для нее лишь ограниченное пространство. В частности, в самом начале статьи я постарался обозначить, какие формы сегодня принимает и с каких позиций в социологии рассматривается интернационализация или то, что бывает вместо нее. Для меня, однако, важнее то, что в силу ряда содержательных и структурных причин существовавший потенциал не реализовался тогда в национальную школу, а теперь, когда время «ходить свиньей» прошло, нет альтернатив тому, чтобы просто двигаться дальше, в новом ландшафте, на который мы оказали меньше влияния, чем могли бы и чем хотелось бы.

Историко-идеологическое вменение (политические основания академического порядка и борьба за власть в академии), в отсутствие которого Вы меня упрекаете, не просто утяжелило бы статью — оно поместило бы ее в поле совсем других — весьма экспансивных нарративов, от которых я старался в свете этого их свойства держаться подальше. Вроде тех, которые Вы упомянули, когда писали о курьезах реконструкции восточноевропейской социологии. Ведь, конечно же, в действительности эти истории не были столь одномерны — они становятся такими под действием конкурирующих мастер-нарративов и напряжения между ними — непродуктивного для социологического исследования форм академической жизни и истории понятий. Нарратив неолиберализма, в непроблематичном принятии которого Вы меня (я думаю, несправедливо) упрекаете, и не менее «токсичный» нарратив постколониализма (который просматривается в этой критике) создают поле, в котором основной месседж моей статьи уходит на

задний план, а прочитывается борьба угнетаемых социологов с режимом — т. е. то, чего в статье, собственно, и нет.

Чтобы избежать всего этого, я пишу из социологического «сегодня», и для меня дискурс само- или постколониализма не является рабочей рамкой. Условное «сегодня» — это после того как окончательно сложилась инфраструктура и архитектура глобальной научной коммуникации. Что бы ни привело к формированию баз данных научного цитирования, издательских домов, наукометрии и индустрии научного признания — вменяемой альтернативы им нет. Восточноевропейский социолог, отворачивающийся от своей работы из презрения к мнимому или действительному «демократическому транзиту», выглядел бы в лучшем случае комично. В этом мы, кажется, согласны.

Но ресентиментный дискурс колониализма переформатирует текст из «вчера» против моей воли, и кто-то даже начинает в нем усматривать пораженческие нотки. Я не пошел дальше в развитии обозначенных в начале статьи разных сценариев и оценок того, что происходит в международной социологии сейчас, именно потому, что каждое высказывание и каждый аргумент о том, какая именно интернационализация нас накрывает, льет воду на «вчерашний» и непродуктивный, с моей точки зрения, дискурс колониализма.

В общем, почему бы не укрыться в ветхой автономии науки от этих зловещих мастер-нарративов? Я, кстати, думаю, что это постколониалистское «вчера» ведет к ошибочным выводам в отношении немецкой интернационализации. Да, американизированный Вебер отличается от оригинала. Но это уж точно функция инфраструктуры научной коммуникации, а никакой не идеологии. Парсонс ведь, к примеру, отнюдь не из ангажированности или пренебрежения перевел Веберовскую “*stahlhartes Gehäuse*” в приобретающую всемирную известность “*iron cage*”. Он долго и мучительно работал с протестантскими метафорами — просто попал не в ту. Можно ли сказать, что из этого вышел большой ущерб для Вебера и для социологии? Стал бы «стальной панцирь» столь же захватывающей социологической метафорой как «железная клетка»?

С уважением,
Дмитрий.

Leonid Ionin, 11 декабря 2017 г.

Дима, здравствуйте!

Я чувствую, Вам моя критика не очень понравилась. Мне сейчас самому неудобно, что я влез со своими советами, куда меня не просили. Извините, просто разговор так завязался.

Что касается колониализма, то я имею в виду одну из форм взаимодействия культур, которую я в своей книжке о социологии культу-

ры называл «культурный колониализм». Это описательный термин, не политический и не ресентиментный, а ценностно-нейтральный. Это когда ценностные и поведенческие модели заменяются новыми, пришедшими извне. Похоже на модернизацию, но немножко в другом смысле. Наверное, советская власть — тоже частично продукт культурного колониализма.

(Кстати, не стоит, мне кажется, злоупотреблять словом «ресентимент». Я не уверен, что указание на некое очевидно имеющееся положение дел обязательно должно вести к упреку в эмоционально нагруженном подходе, причем именно в ресентиментном, т. е. в определенном смысле постыдно-уничижительном. В изначальном контексте, т. е. у Ницше, это был открытый ход в его антихристианской пропаганде. Теперь же упрек в ресентименте чаще всего представляет собой кунштюк, «трик», посредством которого производится унижающее опровержение или, по терминологии Гарфинкеля, «деградация» аргумента спорящего или даже самого спорящего. Если аргумент определен как ресентиментный, его опровержением можно себя уже не утруждать.)

Что же касается Вебера, то я не понимаю, при чем здесь *iron sage*. Метафора и есть метафора и переводиться может метафорой. Но когда три разных термина, обозначающие три разных типа общности переводятся одним словом *community*, социологическая палитра существенно обедняется. Кому-то нравится такой социологический фастфуд... Что ж, это дело вкуса.

Можно много рассуждать о том, что еще «следовало бы» упомянуть в Вашей статье. Но это было бы неправильно. Хозяин — барин, и Вы поступили так, как сочли нужным.

Чтобы сгладить неприятное впечатление от моей навязчивости, которая мне, вообще-то, не свойственна, посылаю для развлечения забавную заметку из интернета касательно жизни отечественной науки сегодня и происхождения школ нашего нынешнего обществоведения⁸.

Если что, пишите, буду рад ответить.

Л. Ионин.

Dmitry Kurakin, 12 декабря 2017 г.

Леонид Григорьевич, я очень рад дискутировать с Вами. Я, как, мне кажется, и Вы, предпочитаю покой и уединение практикам публичных интеллектуалов, но содержательная дискуссия с аргументированной критикой — это совсем другое дело. Так что я благодарен за Ваши комментарии и советы, и мне очень интересна Ваша критика.

⁸ См.: *Галковский Д.С.* Липкин-истори (URL: <<https://galkovsky.livejournal.com/270102.html>>).

Спасибо за зарисовку! Она напоминает сразу и о прекрасном довлатовском «будучи холодно, я отморозил пальцы ног и уши головы», и о силе ученичества и связи поколений, над реконструкцией которых работает Докторов (и думается, идиографический метод, представленный в заметке, тут работает лучше генерализирующего).

С уважением,
Дмитрий.

Leonid Ionin, 12 декабря 2017 г.

Дима, приятно было с Вами пообщаться.

Как я уже сказал, если что, пишите, с удовольствием отвечу. Поверьте, это не формальная вежливость.

Всего Вам наилучшего,
Л. Ионин.

Dmitry Kurakin, 13 декабря 2017 г.

Здравствуйте, Леонид Григорьевич!

Я как раз вспомнил, что забыл написать одну мысль в ответ на Ваше вчерашнее письмо. Если я правильно понимаю суть термина культурный колониализм, сама социология в России — это тоже проявление культурного колониализма. Ведь социология — это не «наука об обществе» *per se*, а скорее набор способов осмысления новой для запада исторической реальности (мы, правда, имеем некоторое отношение и к этой реальности, и к этим способам осмысления, но скорее периферийное). Но если так, снявши голову по волосам не плачут, не так ли?

Я думаю, в тех системах мысли, где систематическим образом воспроизводится ценностно окрашенное отнесение к этой простой констатации вторичности и заимствования, а к их числу, я думаю, относятся и нарративы колониализма, мы просто в силу логики аргумента оказываемся перед ложными и вредными альтернативами (перед которыми обычно оказываются те, над кем доминируют). Например: пренебрежительно отвергнуть этот чуждый нам проект, усмотрев в нем коварное средство западной гегемонии; или же постараться построить свою собственную аутентичную социологию, которая бы исходно отвечала на наши реалии и наши вызовы. Что это, если не ресентимент? (Который, конечно же, теперь уже понимается почти исключительно расширительно, но все же не в гротескно-уничижительном ключе. А скорее как указание на то, что некий аргумент, позиционируя себя как чисто содержательный, на самом деле содержит мощный этический эмоционально заряженный месседж, форматирующий сценарии интерпретации). Это я пишу, конечно, не к тому, чтобы Вас уличить

в чем-то похожем, а к тому, что конструкции «культурный колониализм» проблематично быть ценностно нейтральной.

И частично в этой связи: мне, конечно, очень неуютно показаться «адвокатом дьявола» и высказаться недостаточно бескомпромиссно о социологическом «фастфуде» (я социализировался совсем в другой традиции теоретизирования и научного перевода), но, приводя в позапрошлом письме пример с трудностями перевода Вебера Парсонсом, я хотел сказать только две вещи. Триумфального шествия «железной клетки» как мощного социологического концепта, повлиявшего на многие умы, не состоялось бы, если бы не американизация этих священных для всех социологов текстов (да и стали ли бы они священными без этой «профанации»?). И эти трудности — это именно что трудности перевода, а никакая не гегемония и не трансфер. Именно поэтому эти трудности своевременно преодолеваются — по ошибкам Парсонса в этой части есть солидная литература. Но за сторонниками фастфуда адепты демократического трансфера оставляют право не быть гурманами ☺.

С уважением,
Дмитрий.

Leonid Ionin, 14 декабря 2017 г.

Дима, добрый день!

Вот ведь какая штука получается: как только Вы утверждаете, что Ваш оппонент движим ресентиментом, Вы квалифицируете себя как гегемониста. «Юберменш» против «унтерменша», гегемония против ресентимента — это парные категории, одно без другого трудно представить. Вы пишете, что «теперь» ресентимент понимается «расширительно», но ведь и противоположную категорию тоже можно толковать расширительно, то есть как оправдание и защиту собственной гегемонистской позиции. В результате мы просто уходим с почвы социологии в область идеологических препирательств. Это тоже интересно, но это другое занятие. Если же говорить о социологии, то термин гегемонизм мне тоже не нравится, я бы без него обошелся, но что делать — как только появляется «ресентимент», так с другой стороны возникает «гегемонизм». И то и другое — ярлыки, цель которых — деградация аргументов противника в споре или самого противника. Это, конечно, применительно к социологии, в других контекстах — у Ницше, или, например, у Мангейма, когда речь идет об «оргиастическом хилизме» — это уместно. В социологии же существуют методы объективного описания типов и форм господства (господство — объективное, ценностно нейтральное понятие), начиная от Вебера и далее (не буду здесь вдаваться в детали), и хотелось бы в социологическом анализе

обходиться без ресентимента и гегемонизма, то есть без идеологии и пропаганды.

Наряду с приписыванием ресентимента есть еще один механизм деградации оппонента: обвинение его в том, что он занимает позицию конспирологии, «теории заговора». Это тоже ярлык, достаточно обвинить оппонента в теории заговора, и аргументация по существу дела оказывается уже ненужной. Я когда-то об этом даже статью напечата⁹, где пытался показать, что надо не обвинять противника в конспирологии, а заниматься реальными процессами, где в действительных заговорах недостатка не будет¹⁰.

Короче, у нас достаточно понятий, чтобы анализировать то, что происходит, не прибегая к ресентименту. Я, когда писал о культурном колониализме, ставил это понятие в ряд с другими способами усвоения чужих культур и ценностей — адаптация, ассимиляция, диффузия, геттоизация и т. д. И все это есть в нашей нынешней социологической реальности, и все это стоит исследовать, а не списывать путем приклеивания ярлыков. А то будет получаться, как с вышесказанным монолитом, который, если присмотреться, не очень-то и монолитный, ведь правда? Вот пара примеров относительно нашей социологии культуры, отечественной социологии вообще, в развитии которой обнаруживаются и адаптация, и диффузия, и колониализм, и все прочее. Когда я еще в советское время с интересом читал и с увлечением пропагандировал понимающую социологию, а в Билефельде знакомился с Луманом (я имею в виду, персонально), или когда Вы увлеклись Александером, — это можно назвать культурной диффузией, что является естественным процессом развития науки, знания вообще. А когда определенные ходы мысли становятся обязательными (как в «совке»), или звание Ph.D. важнее, чем опыт, знания, творческие способности, или когда какая-нибудь испанская или немецкая девчужка получает здесь профессорские условия, на которые она никогда не могла бы даже рассчитывать у себя дома... ну и т. д. — это культурный колониализм. Короче говоря, Ломоносов, Сорокин, да те же Левада, Давыдов — это культурная диффузия, а нынешнее вышкинское рекрутирование второ- или третьестепенных иностранцев в качестве носителей обязательной мудрости — это культурный колониализм. Это — как молодой британский чиновник едет в Индию для денег и карьеры. Если Вы скажете, что это не колониализм, то что это? Или как в Германии после объединения: уволили всех профессоров (даже естественников чуть ли не 80%)

⁹ От лат. *scribo* — я пишу.

¹⁰ *Ионин Л.Г.* Принцип Шахназарова и пари Паскаля («Независимая газета», 16.12.2014, URL: <http://www.ng.ru/ng_politics/2014-12-16/9_politics.html>).

и прислали своих молодых с Запада, удачно, кстати, разрешив кризис перепроизводства обществоведов. Эйлер в Петербурге — это диффузия, а тот же достаточно неумудренный Инглхарт наездами в том же Петербурге — это колониализм. Можно сказать, что это правильно и неизбежно (гегемонизм или следствие оного) или, наоборот, призвать к отмщению и борьбе за справедливость (ресентимент), а можно просто отметить, что это разные социальные и культурные процессы, которые равно предстоит изучать.

Письмо несколько затянулось вопреки требованиям жанра (эпистолярного), но все равно не могу удержаться от пары слов по поводу американского Вебера. Не просто «железная клетка» пошла «триумфальным маршем», как Вы выражаетесь, вообще Вебер был распространялся как классик именно Парсонсом и другими американцами. Я сам об этом в своем предисловии к переводу «Хозяйства и общества» достаточно ясно написал [2, с. 11–12]. Но ведь из этого вовсе не следует, что американский перевод — правильный перевод и американский Вебер — правильный Вебер. Просто так есть, так сложилось (Германия в развалинах и унижена, Америка и американская социология на взлете...), а Вы конкретную историческую констелляцию выдаете за историческую необходимость, причем за «счастлившую необходимость» (как бывает счастливая случайность). Такое стихийное фукуямство!

Ваш Л. Ионин.

Dmitry Kurakin, 15 декабря 2017 г.

Здравствуйтесь, Леонид Григорьевич!

Спасибо за Ваше письмо и подробные пояснения. Такое уточнение во многом меняет дело — и в этих терминах я, конечно, именно за диффузию, притом обоюдо- или даже многосторонне направленную. В своей статье, да и по жизни, я держусь именно такой картины академической жизни. По-моему, современная исследовательская реальность, в ее лучших проявлениях, такова, что у актуального социолога среди наиболее близких коллег, с которыми он публикуется, спорит и говорит на одном языке, соотечественников не большинство (если он, конечно, не американец). Я за таких вот воинов-интернационалистов. К примеру, я много лет спорю с тем же Александером про то, как надо встраивать Дюркгейма и теорию сакрального в культурную теорию, публикуясь об этом по-английски и по-русски, и на Западе согласных со мной не меньше, чем в России, и наоборот.

С другой стороны, я хотя и понимаю, но тоже не во всем одобряю политику наших научных менеджеров, которая приводит к обозначенному Вами «эффекту Инглхарта». Менее заметный, но более вопиющий пример — это найм постдоков, чтобы было «как у них», при

совершенно другой схеме организации научного труда. Часто (хотя и не всегда) это приводит к тому, что эти постдоки остаются неприкаянными в наших институтах и на наших факультетах.

Все эти примеры — и мои, и Ваши, — по-моему, вызывают к важной демаркации: конструкция академического «колониализма» явно лучше работает, когда мы говорим о политике научного администрирования, а не об исследовательской работе. Я же попытался написать статью о научной работе и академической жизни, поэтому, наверное, призраки «колониализма» и вызывают у меня некоторое отторжение.

Поэтому, по сути, я согласен с различениями, которые Вы вводите, и в этой части мне остается только отметить небольшое недоразумение, связанное с «ресентиментом». Я на сто процентов согласен с Вами, когда Вы пишете, что в социологическом анализе надо постараться избежать идеологии и пропаганды, и тоже связываю их наличие с «ресентиментом». Но, хотя первым «Р-слово» произнес я, связано это было вовсе не с наклеиванием ярлыков, а совсем наоборот — с попыткой «отлепить» ярлык «демократического транзита» от того модуса академической работы, который лично мне представляется единственно достойным и возможным (намеренно избегаю в этом описании дружно дискредитированное нами «И-слово»). То, что он стал единственно возможным — это именно что констелляция, никакая не «счастливая необходимость» (это я пытаюсь отлепить ярлык «фукуямства»), но ведь и не несчастная тоже! Поэтому — полностью соглашаясь с Вами в содержательной части суждений о Вебере-Парсонсе — я, пожалуй, откажусь горевать и по американизированному Веберу. Ведь немецкий Вебер никуда не делся! К примеру (надо же признать пророков и в своем отечестве, ради разнообразия), мы-то в России читаем Вебера в хороших переводах и отнюдь не с английского.

Словом, «культурная диффузия» как средство понимания себя и своего места в современной науке мне нравится куда больше колониализма. Хотя есть мрачная гипотеза, что как парадигма администрирования колониализм становится неизбежен, когда цивилизационная разница вырастает в пропасть. Вот, к примеру, исходя из собственного опыта публикаций и тут и там, я не могу не согласиться с нашими научными менеджерами в том, что для организации науки в России благом является приоритизация международных публикаций. Слишком велика разница между средней международной публикацией и средней нашей — хотя бы даже в простой добротности и тщательности работы и объеме трудозатрат, не говоря уже о научном уровне.

В общем, еще раз спасибо и извините, что снова занял Ваше время, причем на сей раз вполне досужими рассуждениями.

С уважением,
Дмитрий.

Leonid Ionin, 16 декабря 2017 г.

Дима, здравствуйте!

Я не думаю, что это «досужие рассуждения». Это поиск идентификации, как персональной, так и коллективной, и путей развития. Ведь получилось так, что мы спонтанно сформулировали, или воспроизвели, или очертили, набросали контур альтернативных позиций относительно настоящего и будущего отечественной социологии. Вы считаете решающим тренд интернационализации и глобализации, хотя, как мне кажется, со многими оговорками. Мне, наоборот, мерещатся какие-то возможности скорее на автохтонной основе, хотя также в определенном повороте и в определенных пределах.

Не хотелось бы, чтобы эти «досужие рассуждения» пропали втуне. Мы за эти несколько дней много чего интересного наговорили, и мне пришло в голову, что неплохо было бы попытаться этот диалог напечатать, что-то пригладив, что-то дописав, снабдив ссылками и т. п., но оставив реальный, сам собой возникший драматизм. Я думаю, что тема всем интересна, потому что все в этом живут. А журналу, например «Соцису» или «Социологическому журналу», тоже должно быть интересно, потому что живая вещь. Они могут дискуссию начать или что-то вроде. Если хотите, давайте попробуем. Я сейчас в Берлине, вернусь числа 8–9 января и можно будет детально все обсудить...

Л. Ионин.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барнс Дж.* Шум времени / Пер. с англ. Е. Петровой. М.: Изд-во «Иностранка», 2016. — 288 с.
2. *Вебер М.* Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии в 4-х т. Т. 1. Социология / М. Вебер; [Пер. с нем.]; Сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 445 с.
3. *Ионин Л.Г.* «Надо соглашаться с собственным выбором» // Докторов Б.З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 9-ти т. Том 2. Беседы с социологами четырёх поколений [электронный ресурс] / Докторов Б.З.; Ред.-консульт. А.Н. Алексеев; Ред. электрон. изд. Е.И. Григорьева. Электрон. текст. дан. (объем 253 Мб). М.: ЦСПиМ, 2016. С. 654–687.
4. *Kurakin D.* The Sociology of Culture in the Soviet Union and Russia: The Missed Turn // *Cultural Sociology*. 2017. Vol. 11. No. 4. P. 394–415. DOI: 10.1177/1749975517728625

Дата поступления: 02.02.2018.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL

2018. VOL. 24. NO. 1. P. 114–131. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5716

L.G. IONIN

Faculty of Economic Sciences, National Research University Higher School of Economics; Moscow, Russian Federation.

D.YU. KURAKIN

Center for Cultural Sociology and Anthropology of Education, Centre for Fundamental Sociology, National Research University Higher School of Economics; Moscow, Russian Federation.

Leonid G. Ionin — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Theoretical Economics, Faculty of Economic Sciences, National Research University Higher School of Economics. **Address:** 28/11, Shabolovka str., 101090, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7 (495) 772-95-90 *26142. **Email:** ioninlg@gmail.com

Dmitry Yu. Kurakin — Candidate of Sociological Sciences, Director: Institute of Education, Center for Cultural Sociology and Anthropology of Education; Leading Research Fellow: Centre for Fundamental Sociology, National Research University Higher School of Economics. **Address:** of. 407, bl. 10, 16, Potapovskiy per., 101000, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7 (495) 772-95-90 *22120. **Email:** dmitry.kurakin@hse.ru

DOES PATRIOTISM EXIST IN SOCIOLOGY?

Abstract. Dmitry Kurakin's article on the sociology of culture in the Soviet Union and Russia has been recently published in the "Cultural Sociology" journal. This led to discussions about Soviet and post-Soviet academia among sociologists and intellectuals from other disciplines. In this issue, we publish a correspondence between Leonid Ionin, a famous Russian sociologist, and the author. Their debate is focused on one of the article's themes: the role of the past in constructing academic identities and in building research strategies in the context of existing scenarios of globalization and indigenization. Is there any room nowadays for national schools in sociology? What are the territorial and institutional frames which are shaping academic practices and professional identities for sociologists in Russia? What are the meanings and the consequences of the different ways of self-identification within these frames? Is Russian sociology "secondary" in the international context, and are there alternatives for such a vision? In their discussion, the authors seek to find answers for these and other questions, which play a key role in shaping the sociological academic landscape in Russia.

Keywords: history of sociology; Russia; Russian sociology; Soviet sociology; post-Soviet sociology; sociology of culture; cultural sociology; sociology of science; globalization; internationalization; indigenization; national school; professional identity; colonialism; cultural diffusion.

For citation: Ionin L.G., Kurakin D.Yu. Does Patriotism Exist in Sociology? *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2018. Vol. 24. No. 1. P. 114–131. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5716

REFERENCES

1. Barnes J. The Noise of Time. [*Shum vremeni.*] Transl. from Eng. by E. Petrova. Moscow: Izd-vo "Inostranka" publ., 2016. 288 p. (In Russ.)
2. Weber M. Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology. In four Vol. Vol. 1. Sociology. [Russ. ed.: *Khozyaistvo i obshchestvo. Ocherki ponimayushchei sotsiologii v 4-kh t. Vol. 1. Sotsiologiya.* Transl. from Germ.; Select., ed. and pref. by L.G. Ionin;

NRU Higher School of Economics. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki publ., 2016. 445 p.]

3. Ionin L.G. “Everyone should agree with his own choice”. Doktorov B.Z. *Sovremennaya rossiiskaya sotsiologiya: Istoriko-biograficheskie poiski*. [Modern Russian Sociology: Historical and Biographical Searches.] In 9 Vol. Vol. 2. Conversations with sociologists of four generations. Ed. by A.N. Alekseev, E.I. Grigor’eva. Moscow: TsSPiM publ., 2016. P. 654–687. CD-ROM. (In Russ.)
4. Kurakin D. The Sociology of Culture in the Soviet Union and Russia: The Missed Turn. *Cultural Sociology*. 2017. Vol. 11. No. 4. P. 394–415. DOI: 10.1177/1749975517728625

Received: 02.02.2018.
